



Анджей Новак

Европа народов – взгляд князя Адама Ежи Чарторьского

Князь Адам Ежи Чарторьский жил долго. Он родился 14 января 1770 года в Польше пока еще не разделенной, но уже ведущей борьбу за независимость. Еще держалась Барская конфедерация и только начинались дипломатические приготовления соседей к проведению I раздела Речи Посполитой. Просвещенная Европа вела оживленные споры о смысле событий в Польше. Вольтер со злобным издевательством клеймил польских «фанатиков, освящающих свои кинжалы в Ченстохове». Жан Жак Руссо подчеркивал справедливость борьбы за национальную независимость, которую защищали конфедераты, а польско-русское противостояние рассматривал как борьбу республиканской свободы с деспотизмом, несущим порабощение. Однако, несомненно, преобладала первая интерпретация, усматривающая в Польше своего рода «черную дыру» на карте процесса, распространяющегося из Франции на весь континент. Любимица философов, императрица Всея Руси Екатерина II не заслужила еще, однако, у своих подданных имени «Великая». Пока впереди были ее самые выдающиеся завоевания, которые должны были открыть России дорогу к центру Европы – через Польшу – и на Балканы путем ликвидации турецкого господства на северном побережье Черного моря. Правящий в Пруссии Фридрих II хотя и снискал уже прозвище «Великий» своими завоеваниями, совершенными *manu militari*, также еще не достиг столь вожденной «округлости» границ своего государства – за счет Познаньской земли и Гданьского побережья. Во Франции всего пять лет как правил Людовик XVI. Слово «революция», если оно вообще ассоциировалось с чем-либо за пределами языка астрономии, прежде всего вызывало в памяти воспоминание о *The Glorious Revolution* 1688 года, когда с английского трона бескровным образом

была устранена династия Стюартов. После победного для британской короны Парижского мира (1763 г.) правление Англии в Северной Америке казалось незыблемым. Мысль о том, что Европа будет иметь там когда-нибудь не только свое колониальное продолжение, но и политический противовес, могла показаться чистым безумием.

Когда 91-летний князь Адам Ежи Чарторыский навсегда закрыл глаза в замке Монфермей, снятом на лето под Парижем, Польша, как нам это теперь известно, прошла уже гораздо больше половины пути своей горькой участи – существования в расчлененном виде. Великие патриотические манифестации в Варшаве 1860 и 1861 годов предзнаменовали скорый кризис Январского восстания, может быть самого близкого по своему характеру и развитию к Барской конфедерации 95-летней давности. Польша, лишенная собственной государственности, вновь добивалась своей независимости. Не воспринимаемое большинством просвещенных государственных деятелей Европы времен Вольтера и Фридриха Великого понятие права народа на объединение в суверенном государстве стало теперь пружиной самых важных политических событий на континенте. Только вот возможность осуществления такого права гарантировалось, как и политические успехи в Европе XVIII века, исключительно одной силой. Уже объединилась Италия. Бразды правления объединенной Германией уже через год должен был взять в свои руки тогдашний посол Пруссии при дворе в Санкт-Петербурге – Отто фон Бисмарк. Идеологический фундамент новой политики создавался уже не утопией эпохи просвещения, его должен был подвести под нее опубликованный еще за два года до смерти князя Адама Чарторыского трактат английского натуралиста «О происхождении видов путем естественного отбора» – произведение Чарльза Дарвина, пересаженное вскоре в вульгаризированной форме на почву общественно-политической мысли. Грубый национализм нового времени вставал на пути социалистического, тоже стремительного крепнущего, движения – второго из великих течений, бывших наследием французской революции, столь сильно повлиявшей на контуры политических перемен Европы при жизни князя Адама Чарторыского. Соединенные Штаты Америки, будучи моложе князя на пять лет, также вступали в кризисный момент своей истории – в эпоху гражданской войны, из которой они должны были выйти в конце концов как сплоченная держава. За пределами американского континента европейские государства начинали

последнюю, самую эффективную фазу колонизации, в которой право покоренных народов на обособление, на традицию суверенности, подтвержденную зачастую веками, без всякого сомнения, попирались. Эпоха империализма, уже издавна знакомая Польше ввиду соприкосновения с российской политикой, вступала в свой апогей – в глобальном масштабе.

Так ли уж изменилась Европа со времен Фридриха Великого и Екатерины II к началу эпохи «двух канцлеров»: Бисмарка и Горчакова? От Вольтера и Руссо до Дарвина? А место в ней Польши и политическая проблема, связанная с ней, – как они изменились со времен Барской конфедерации до Январского восстания? Просвещение, романтизм, уместившийся всей своей хронологической протяженностью в рамках жизни автора «Польского барда», наконец, позитивизм, империализм и борьба за независимость, права народов и национализм, кровавая борьба и интеллектуальные споры вокруг наследия Французской революции, вопросы о границах Европы – все эти великие идейные течения, политические, социальные проблемы и вопросы цивилизации пронизывали пейзаж истории, который исколесил князь Адам Чарторыйский. С каким он шел компасом?

Наследник одного из самых могущественных магнатских родов не только Польши, но и Европы, породненный вскоре с правящей династией в России (через сестру Марию, выданную за принца Людвига Виттенбергского, брата жены будущего императора Павла I), князь Адам Ежи Чарторыйский воспитывался так, чтобы в будущем играть великую политическую роль, по крайней мере, в масштабах собственной страны. Отец его, Адам Казимеж, самый образованный среди магнатов того времени, меценат и один из творцов культуры польского просвещения, а с другой стороны мать – княгиня Изабелла, также преисполненная культурными интересами и амбициями, ничего не упустили в формировании из своего старшего сына современного государственного деятеля. После домашнего образования в 1786 году пришло время великих путешествий: в Карлсбад и Прагу, а дальше в Германию (здесь, в Веймаре, он встретился, в частности, с Гердером, с которым его отец поддерживал переписку; он слушал Гете, читающего еще неопубликованную «Ифигению в Тавриде»). Год 1788-ой он провел в Варшаве, где стал свидетелем открытия Великого Сейма.

Огромное значение для его формирования имело последующее путешествие в Англию и Шотландию (1789-1791). Там он слушал заседания парламента, на которые его приводил друг отца лорд Мансфельд. Здесь же, перед тем

как разразилась революция по другую сторону Ла-Манша, внимание общественного мнения в Лондоне привлек процесс Уоррена Гастингса, губернатора Индии, возбужденный против него через Палату лордов Эдмундом Берком. Самый блестящий оратор вигов, Берк, прежде чем стал идейным погромщиком разрушительного безумия революции во Франции, блеснул на этом процессе как великий критик империализма (британского) и защитник от его угрожающих последствий традиционных общин (в Индии)¹.

Понимал ли уже молодой князь, приехавший из Польши, значимость предостережений Берка от невежества имперских методов, которые зачастую под высокими лозунгами наведения порядка и внедрения прогресса оказывали разрушающее воздействие на чужие народы, подвергаемые насилию со стороны метрополии, и отравляли собственный народ, формируя его новую элиту – оторванную от традиций, ценившую только власть легко добытого имущества? Пожалуй, нет. Он был скорее восхищен оптимистическим вариантом либеральной идеологии вигов, представляемым Чарльзом Фоксом, согласно которому европейская цивилизация распространялась концентрически вокруг своих западных центров – Лондона и Парижа – на другие страны; ее благотворные волны простирались все дальше, за пределы географических границ континента, не угрожая ничьей свободе. Наоборот: она лишь рушила преграды, стоявшие на пути свободы, порожденные «непросвещенными» еще политическими институтами и укоренившимися в веках «предрассудками»².

Подобно лидеру «прогрессивного» крыла вигов, молодой князь был готов с надеждой принять первые шаги Французской революции, которые он мог наблюдать вблизи, находясь в Париже зимой 1790-1791 годов. Оптимистический взгляд на неудержимое шествие просвещения и свободы, казалось, был подкреплен моментом великого триумфа польских патриотов – бескровной революцией Третьего мая, которой князь Адам Чарторыйский имел возможность сопереживать лично – после возвращения в Варшаву. Вместе с отцом он вошел в Общество друзей Конституции. Когда Екатерина II на попытку Польши

¹ См.: A.J. Czartoryski, *Pamiętniki i memoriały polityczne, 1776-1809*, oprac. J. Skowronek, Warszawa 1986, s. 496-501; на тему критики Берком империализма см. интересный анализ: U. Sing Mehta, *Liberalism and Empire. A Study in Nineteenth-Century British Liberal Thought*. Chicago 1999, p. 139-183.

² См.: M. Kukiel. *Czartoryjski end European Unity, 1770-1861*, Princeton 1955, p. 12-13; E. Rostworowski, *Europa oświeconych, // Dziesięć wieków Europy. Studia z dziejów kontynentu*, red. J. Żarnowski, Warszawa 1983, s. 118-190.

избавиться от зависимости ответила на следующий год войной, молодой князь вступил в польскую армию в Литве. Отличившись в бою под Гранном, он получил орден «Виртути Милитари». После того как король примкнул к Тарговицкой конфедерации, он подал в отставку и снова уехал за границу. Находясь, в частности, в Англии, он мог послушаться пылких одобрительных высказываний Берка в адрес польского «достойного похвалы заговора в защиту прав, а также интересов человека», который в результате привел к Конституции Третьего мая, близкой по своим принципам британской традиции»³. На этот раз противопоставление польской «революции» все более кровавым событиям во Франции, уничтожающая критика которых со стороны Берка выделила из партии вигов отдельное направление – консервативное – не могло уже ускользнуть от внимания князя. К тому же именно основатель современного консервативного либерализма оказался одновременно и самым суровым, и наиболее красноречивым на Западе критиком свершившегося преступления – раздела Польши. Каким образом идею свободы человека и право народа на сохранение суверенности оградить от насилия как во внутривнутриполитической жизни, так и в межгосударственных отношениях? На горизонте Европы конца XVIII века появились вопросы, которым предстояло сформировать мышление князя Адама Ежи Чарторьского, а также руководить его действиями в последующие семьдесят лет.

Окончательный раздел Польши стал для него двойным ударом. Воспитанный не космополитом, а просвещенным и знающим современным мир патриотом, он так же болезненно переживал неожиданное и жестокое крушение больших надежд, связанных с обновлением, предусмотренным Конституцией Третьего мая, как и многие другие приверженцы оптимистического взгляда на просвещение. Это был момент глубокого кризиса их мировоззрения. Одни были готовы отвернуться теперь от проигранного дела собственного народа, заняв космополитическую позицию. Выразителем такой позиции стал Ян Потоцкий, впоследствии автор «Рукописи, найденной в Сарагоссе», который был старше князя Адама Ежи Чарторьского на девять лет. Духовно он уже в Польшу не вернулся – стал певцом новой империи, в которой всеобщее просвещение должно было найти свое орудие в лице империи Всея Руси. Свою позицию в отношении Польши Потоцкий на-

³ См.: E. Burke. *An Appeal from the New to the Old Whigs*, London 1791, p. 102-104.

и более четко выразил в письме к сестре, написанном уже после очередных попыток получить место для Польши среди народов Европы: *Et cela a toujours été en Pologne. Le patriotisme y est une maladie que chaque génération doit s'infecter. Je suis né au milieu de cette épidémie, qui a ruiné mes pères. Ensuite je m'y suis ruiné, et puis je vois la ruine de la génération suivante*⁴.

Князь Адам Ежи Чарторыйский выразил свою позицию совсем иначе. В элегии «Польский бард», стихотворении, написанном в год последнего раздела – 1795-й, он выразил мысль, которая передает, быть может, все его последующее политическое мировоззрение:

Польша обвиняет землю и к Небу взывает:

«Горе Человечеству! во мне растоптано его благородство!

Горе ему, пока преступление не будет искуплено!»⁵

Обретение Польшей независимости стало для него постулатом не только патриота, но также наследника веры, порожденной эпохой просвещения, в возможность построения гармонического порядка свободы и «благородства» (добродетели).

Приказ Екатерины II, которая потребовала выдачи двух сыновей в роли фактических заложников – гарантов благонадежности всего рода, привел к тому, что Адам Ежи Чарторыйский отправился в Петербург. Здесь он неожиданно нашел новый путь к надежде на исполнение своего двойного постулата. Сердечное знакомство, завязанное им на берегах Невы, с великим князем Александром Павловичем, внуком «автора» раздела, вдруг открыла перед молодым князем Чарторыйским совершенно новые перспективы политической карьеры и возможность оказывать влияние в общеевропейском, и более того – в евроазиатском масштабе. Так произошло с того момента, когда его друг стал правителем Империи, после успешного покушения на жизнь его неуравновешенного отца. И даже еще раньше, потому что в 1799 году именно отец Александра, император Павел I, назначил польского друга своего сына на первый дипломатический пост – русским послом при дворе короля Сардинии. Фактически же императору надо было пресечь слишком либеральное влияние князя Чарторыйского на цесаревича Александра, а с другой стороны – ему необходимо было поддерживать постоянную переписку с посланной именно в Италию русской армией под командованием фельд-

⁴ J. Potocki, List do Marii z Potockich Rzewuskiej z 10 X [1809 r.], Listy Jana Potockiego, Bibl. PAU w Krakowie, rkps 6183, k. 46.

⁵ A.J. Czartoryski, *Bard Polski*, // *Zbiór poetów polskich XIX w.*, oprac. P. Hertz, Warszawa 1959, t. 1, s. 292.

маршала Александра Суворова, которая должна была потягаться с «бестией» французской революции. «В итоге французская миссия не стала временем, потраченным совершенно впустую. Чарторыский в силу необходимости включился в работу сложной бюрократическо-дипломатической работы империи. [...] Одновременно он внимательно наблюдал за очень явной на итальянской почве игрой эгоистических интересов держав, в которой Франция теряла свой ореол революционной освободительницы народов, а Россия могла играть роль бескорыстной защитницы законных прав тех стран, которым угрожала Австрия. Он видел циничную политику держав, эксплуатирующих оккупированные страны в случае победы, а при поражении без колебаний уступающих их победителю, не интересуясь при этом мнением населения или законного правителя»⁶.

Этот опыт накладывался на незаживающую рану, которую оставили в душе князя Адама Чарторыского преступные разделы Польши. Парадоксально, но именно сила государства, которое предприняло совершение этого преступления, оказалась после смерти Павла I и восшествия на трон Александра I пригодной для того, чтобы поставить ее на службу великому проекту возрождения Польши и свободы, а также добродетели в масштабе всей Европы. Князь Чарторыский был призван новым царем на службу в Петербург сразу же в момент создания концепции реформ новой империи, а вскоре стал принимать участие в управлении ее новой внешней политикой (с сентября 1802 года он стал «товарищем министра», то есть заместителем министра иностранных дел России, фактически выполняя функцию руководителя этого ведомства до июня 1806 года)⁷.

В отношении России, которая при разделах завладела более чем тремя четвертями всей территории Речи Посполитой (после 1815 года ее доля увеличилась до 82%), польские патриоты могли занять две, на первый взгляд, противоречивые позиции. Конечно, они могли рассматривать ее как национального врага номер один, свержение которого позволит воссоздать собственное, независимое государство. Такова была позиция повстанцев, начиная с Барских конфедератов, вплоть до

⁶ J. Skowronek, *Adam Jerzy Czartoryski 1770-1861*, Warszawa 1994, s. 56-57.

⁷ См. характеристику Чарторыского как русского министра иностранных дел, в частности, // P. K. Grimsted. *The Foreign Ministers of Alexander I*, Berkeley 1969, p. 104-151; Ср.: J. Skowronek, *Antynapoleńskie koncepcje Czartoryskiego*, Warszawa 1969; W.H. Zawadzki, *A Man of Honour. Adam Czartoryski as a Statesman of Russia and Poland 1795-1831*, Oxford 1993.

легионеров Пилсудского. Однако возможен был и другой подход: пойти на службу этой империи, пытаясь так направлять ее политику, чтобы она одновременно осуществляла бы задачу воссоздания польской государственности, с предшествующим этому объединением земель, уметь найти общие интересы, общую политическую идею для Польши и России и оказать такое влияние на ход государственных дел в России, чтобы она приложила усилия по осуществлению этой идеи. Князь Адам Ежи Чарторыйский волею случая истории, который преподнес ему дружбу царя, стал наиболее влиятельным представителем этого направления. В его исполнении это не был, по крайней мере, «валленродизм» *avant la lettre*. Князь Адам Ежи Чарторыйский, занимая должность в царском министерстве иностранных дел, действительно верил, что нашел такую идею, которая сможет объединить в себе успех дела Польши, выгоду России и благо всей Европы.

Он изложил царю эту концепцию в докладной записке «О политическом методе, который должна применять Россия», разработанной в 1803 году. Он не ступал, однако, на девственную землю. В поисках решения проблем одновременно Польши, России, Европы, европейских народов, лишенных собственной государственности, Чарторыйский мог воспользоваться уже известной моделью, которую ему предоставил Кант, внимательно штудируемый им. Королевский философ после последнего раздела Польши и в первые годы французской революции представил свою концепцию «федерализма свободных государств» и подчинения международных отношений императиву морального закона. Трактат Канта 1795 г. «К вечному миру» был быстро переведен на польский язык и, выйдя в двух изданиях, стал источником вдохновения для многих патриотов, думающих о возрождении Польши»⁸.

Князь Чарторыйский трансформировал идеи трактата Канта в очерк российской политики, которая должна была их воплотить. Однако он ввел в них новый элемент – необходимость внедрения справедливых отношений не только между государствами, но и

⁸ См.: I. Kant, *Projekt wieczystego pokoju*, red. J. Garewicz i B. Markiewicz, Warszawa 1995; ср.: M. Handelsman, *Rozwój narodowości współczesnej*, Warszawa 1924, s. 137-140; на вдохновенность мысли Чарторыйского трактатом Канта обратил внимание A. Walicki, *Idea narodu w polskiej myśli oświeceniowej*, Warszawa 2000, s. 55-56. Более объемного анализа с этой точки зрения заслуживает рукописная работа самого князя Адама Ежи Чарторыйского о Канте, до сих пор не представленная в историографии, см.: A.J. Czartoryski, *O Kancie [bez daty]*, Biblioteka Czartoryskich w Krakowie, rkps 6198 IV.

между народами. Тем самым он указывал на важнейшее условие достижения прочного мира в Европе. В этом отношении князь Чарторьский стал первопроходцем на ниве европейской дипломатии: «Каждый отдельный народ имеет свой язык, свои обычаи, привычки, способ видения и чувствования. Они не могут ни хорошо понять друг друга, ни узнать; чужое господство не может отвечать интересам ни одного народа. Каждый стремится к тому, чтобы быть хозяином у себя [...]. Заметим при этом, что деление на народы более или менее соответствует географическому разделению, потому что, расселяясь, люди инстинктивно приспособлялись к тем границам, на которые им указывала природа. Однако амбиции некоторых правительств, а также глупость других так деформировали обличье Европы, что государства уже не разделены ни географическим положением, ни национальностью, и мир никогда не будет прочен, пока это не изменится»⁹.

Начертание новых, соответствующих разделению по национальностям, границ в Европе, указал Чарторьский в качестве одной из трех главных предпосылок своей дипломатической утопии. Очередные предпосылки создавались прогрессом в развитии более отсталых народов, которому с одной стороны способствовали изобретения современной цивилизации, в первую очередь распространение книгопечатания, а с другой стороны – все более развивающийся торговый обмен, сближающий народы. Третьей предпосылкой трактата князя-министра было принятие либеральных общественных институтов и введение представительского правления в большинстве государств. Отправной точкой для воплощения в жизнь этих постулатов в международной плоскости должны были стать политические акции России. На тот момент князь Адам Чарторьский не считал Россию державой непременно агрессивной. Он утверждал, что свое будущее она должна строить на развитии и эксплуатации своей огромной территории. Чтобы обезопасить себя перед потенциально самым грозным своим врагом Англией, Россия должна с одной стороны заняться развитием своей морской мощи, а с другой – сделать из Англии своего главного союзника в великом проекте по переустройству Европы. Основой этого союза стала бы необходимость противостоять политике агрессии, которую развязала вследствие революции Франция, управляемая Бонапартом. Соседствующие с Россией немецкие державы – Австрия и Пруссия – также

⁹ A.J. Czartoryski, *O systemie politycznym, który winna stosować Rosja*, // A.J. Czartoryski, *Pamiętniki i memoriały polityczne*, s. 554.

могли быть потенциально опасными. Чтобы эту опасность устранить, надлежит возродить Польшу (под скипетром великого князя Константина Павловича) – чем одновременно был бы выполнен постулат возвращения польскому народу справедливого места в ряду государств Европы. Во имя общей идеи – учета прав народов и одновременно имперских интересов России – князь Чарторьский призывал Александра I взять патронаж над стремлениями южных славян освободиться от турецкого владычества. Царь должен был стать вдохновителем борьбы греков за независимость. Князь видел также необходимость объединения итальянских государств в одно целое, с недавними владениями Австрии – Венецией и Ломбардией – включительно. Он советовал также заняться пробуждением национального духа немцев, чтобы его не пробудили пруссаки. В итоге должна была образоваться независимая от Пруссии и Австрии немецкая конфедерация – естественно, под патронажем России. Из нынешней перспективы мы видим в проекте Чарторьского прекрасную картину будущего, более чем на сто лет опережающую вильсоновский лозунг устройства Европы после I Мировой войны в соответствии с правом народов на самоопределение. Практические последствия попытки воплотить этот проект в 1803 году означали, однако, скорее триумф российского империализма, чем осуществление либеральной утопии. По оценке самого видного историка дипломатии этого периода, идеи, которые представлял тогда Чарторьский, являлись «комбинацией филантропии, амбиций, грубости и невежества, которые делали Россию потенциально столь же опасной для Европы, какой была [наполеоновская] Франция»¹⁰. В сущности, попытка князя в следующем году уточнить этот проект – в форме тройной инструкции относительно переговоров с Англией (их должен был вести друг князя, и одновременно царя, Николай Новосильцев) – предвосхищала не только идею Вильсона. Благородная идея создания для народов Европы, которым угрожал деспотизм Наполеона, возможности вернуть свою свободу была отражена в первом официальном тексте инструкции для Новосильцева. Второй текст содержал уже предложения по территориальным изменениям, которые означали введение фактического российско-британского протектората над всем континентом, реорганизованным в соответствии с предложениями, изложенными в памятной

¹⁰ P. Schroeder. *The Transformation of European Politics 1763-1848*. Oxford 1996, p. 250.

записке за 1803 год. Это стало предвестием уже не идеи Вильсона, а скорее концепции Франклина Д. Рузвельта: после II Мировой войны гарантировать стабильность мира на основе абсолютного доминирования избранных держав – «четырех полицейских». В проекте Чарторьского их должно было быть две. Однако окончательно, в самой тайной инструкции предусматривалось, что Россия может оказаться в возрожденной ею Европе ее единственной хозяйкой. После ликвидации турецкого владычества на Балканах и возможного удара по Пруссии, после создания нескольких славянских государств-сателлитов и греческого государства, а также получив превосходство над всей Германией, царь несомненно стал бы гегемоном на континенте. Такой результат напоминал самые честолюбивые планы великой бабки Александра Первого, а также контуры европейской политики Иосифа Сталина... Как пишет заметивший это сходство Пауль Шрёдер, Чарторьский, составляя свои инструкции для переговоров с Англией, не был, однако, циничным игроком *power politics*, а был человеком, свято верившим в благородство своих намерений, а также в то, что результат их воплощения станет благом для всей Европы. Опасность заключалась в соединении истинного идеализма предпосылок политики, предлагаемой для России польским князем, с реальными последствиями резкого смещения в расстановке сил на континенте, в случае исполнения всех инструкций, данных Новосильцеву¹¹.

Князь Адам Чарторьский еще не отдавал себе отчета в логике имперской политики и её конфликте с идеалистическими предпосылками справедливого по отношению ко всем народам мирного порядка в Европе. С полным воодушевлением он служил экспансионистской политике России, веря, что служит не только возможности соблюдения прав народов в межгосударственных отношениях в Европе, но и движению прогресса и цивилизации в более широком масштабе. Во имя этого убеждения он стал министром иностранных дел Империи, первым вдохновителем панславистских устремлений России в отношении Юго-Восточной Европы, и одновременно покровителем первого проекта великой экспансии России на территории Средней и Восточной Азии (этот проект разрабатывал уже упоминавшийся здесь Ян Потоцкий)¹².

¹¹ Инструкции Чарторьского для Новосильцева // *Внешняя политика России XIX и начала XX века*, т. 2, Москва, 1961, № 49-51; Ср.: P. Schroeder, цит. работа, p. 259-260.

Первые разочарования появились тогда, когда идеалистические постулаты великого плана перестройки Европы уступили место на ниве реальной политики созданию третьей коалиции против Наполеона. Царь в конце концов выбирал такие решения, которые, по его мнению, лучше служили интересам его государства. Российская элита, ревниво относящаяся к влиянию, оказываемому на решения царя, ни на мгновение не утрачивала своей подозрительности к «приблудному поляку» около Александра I. Символическим кратким выражением этой неприязни является характерный портрет князя Адама Ежи Чарторыского, изображенный Львом Толстым в «Войне и мире». Фигура хмурого и гордого князя Чарторыского со вздохом описана Андреем Болконским: «Один из замечательнейших, но неприятнейших мне людей. [...] Вот эти-то люди решают судьбы народов». Когда произошло поражение под Аустерлицем, князь Чарторыский был отстранен от принятия решений о «судьбах народов»¹³.

Из его плана политики, которую должна была проводить Россия, практически были реализованы только те элементы, которые напрямую увеличивали ее влияние или попросту ее территориальные владения: на Балканах – за счет Турции, а также на Кавказе и в Средней Азии. О возрождении Польши (при России) – вопреки Пруссии – не могло быть и речи. К мысли о коренном переустройстве Европы можно было вернуться только после великих войн, которые полностью изменили расклад сил на континенте, выдвигая в 1814 году Россию Александра I на роль главного победителя Наполеона и арбитра в европейских делах. Князь Адам Ежи Чарторыский, не порвавший, несмотря ни на что, с ориентацией на Россию и продолжавший исполнять важные функции попечителя просвещения в Вильно, смог в тот момент возобновить усилия по новому воплощению своей идеи возрождения польской государственности, в качестве новой опоры, обращенной как к правам народов, так и к заинтересованности России в установлении порядка в Европе. С этой идеей он оказался в дипломатической свите царя на Венском конгрессе. Здесь практические соображения *balance of power* нанесли пос-

¹² См., в частности: M. Boro-Petrovich. *The Emergence of Russian Pan Slavism*, New York 1956, p. 12-13; D. Beauvois. D. Beauvois, *U źródeł panslawizmu; polskie oświecenie i słowiańszczyzna (1795-1820)*, "Revue des Études Slaves", t. 51 (Paris 1978), fasc. 1-2, p. 35-37; его же, *Le "système asiatique" de Jean Potocki, ou le rêve oriental dans les empires d'Alexandre Ier et Napoleon, 1806-1808*, "Cahiers du Monde Russe et Soviétique", XX (3-4), juillet-décembre 1979, p. 467-485.

¹³ Толстой Л. Н. *Собрание сочинений в 22 томах*. Москва, Художественная литература, 1979, т. IV, с. 318.

ледный удар по его надеждам. Стержнем тех надежд стало соглашение Петербурга с либеральным Лондоном. Чарторыйский верил, что союз с Англией будет самым успешным образом укреплять проевропейскую тенденцию в российской политике, оказывая либеральное воздействие на внутренние институты царской державы. Приглашение к совместной гегемонии над континентом, где его реорганизованный центр – с обновленной под скипетром Романовых Польшей, а также со значительно ослабленными немецкими державами (Австрией и Пруссией) – были бы областью влияния России, означало, однако, с точки зрения Лондона, угрозу равновесию сил на континенте на самом деле не меньшую, чем та, которую недавно создавала наполеоновская Франция. Представитель либеральной Англии, лорд Кастлеридж, стал, таким образом, на Венском конгрессе главным врагом концепции возрождения Польши царем. Он призвал большинство европейских держав выступить против польских планов Александра I. Одновременно во Франции, оккупированной царскими казаками, поднималась первая большая волна русофобии. Александр I, которому с великим трудом удалось пробить только часть проекта Чарторыйского в отношении реставрации Королевства Польского, чувствовал себя разочарованным вследствие конфронтации с державами Запада, а также с настроенным так несправедливо против него, как он сам считал, либеральным мнением.

Россия, продвигаясь вглубь Европы, скорее стала для нее пугалом, чем надеждой. Во всяком случае, для той части европейцев, которым были близки идеи свободы, как в масштабе отдельной личности, так и в масштабе народов. Такие же чувства испытывали и те члены российской государственной элиты, которые причину болезненных недоразумений с Европой искали в именно в польском вопросе. «Фаворитизация» Польши Александром I задевала как их личные интересы на землях, отобранных у Речи Посполитой, так и чувство национальной гордости, уязвленной хотя бы фактом предоставления конституции как-никак покоренной Польше, при отказе в праве на нее российскому «обществу». Главная политическая проблема князя Чарторыйского все более приобретала очертания проблемы «Россия, Европа и Польша».

Сам князь, основываясь на самом близком ему примере отношений между русскими и поляками, стал признавать силу национального антагонизма как особую преграду на пути воплощения его благородной утопии по гармонизации отношений между народами Европы на основе признания их права на свободу. Он начинал сомневаться в том, «что российский ум [...]

понимает польский: это совсем иной способ, форма, метод, логика»¹⁴. Конфликт политической ментальности и конфликт конкретных интересов подрывали гармонию универсальных моральных принципов, на которые должен был опираться новый порядок. Князь Адам Чарторыйский, однако, не расставался с надеждой, что соответствующие доводы, воспитательная работа, дипломатический нажим, давление общественного мнения, организованное в тех странах, где ему предоставлялось право голоса (в государствах Западной Европы), еще смогут повлиять на столь желанную эволюцию международной политики.

Однако по мере роста все более серьезной напряженности в отношениях между политической системой царской России и стремлениями патриотов Польского Королевства князь Адам Чарторыйский отходил от односторонней ориентации в своих надеждах только на Россию. Стремление удержать польский вопрос на международном уровне, вывести его из сферы, принадлежащей только России или только тройке государств, разделивших Польшу, определяло направление политической мысли Чарторыйского с начала двадцатых годов. Наиболее полное свое выражение это нашло в законченном в 1823 году «Очерке дипломатии», изданном под псевдонимом в 1830 году. Очерк стал своего рода суммой политической философии князя Чарторыйского. В нем уже четко развивались мотивы памятных записок, возникших в 1803-1804 годах в рамках построения идейных концепций новой российской политики.

Они, однако, уже были пронизаны практическим опытом последующих лет, предвещая направление политической мысли князя, которого он придерживался в последнем уже тридцатилетнем периоде его жизненного пути в эмиграции. Идеей, являющейся сердцевиной очерка, объединяющей все, начиная с XIX века, этапы размышлений князя Адама, был принцип «легитимности народов», противопоставляемый, как более старый и фундаментальный, «легитимности трона».

Мир будущей политики, подчиняющейся моральным принципам, Чарторыйский хотел строить на неукоснительном соблюдении права народов на государственную суверенность. Во имя этого права, которое должно было стать гарантией защиты от вечного искушения создать универсальную империю¹⁵, князь Адам сформулировал один из первых идеологических ответов на российское доминирование в

¹⁴ Dziennik A.J. Czartoryskiego, 1 IV 1813 r., цит. по: M. Handelsman, *Adam Czartoryski*, t. 1, Warszawa 1948, s. 113.

политической и национальной жизни поляков. Нас здесь интересует больше всего то, что сквозным мотивом этого ответа является генеральный протест против чужого вмешательства в жизнь народа, борьба с попыткой его возможного усовершенствования.

Очерк рождался наверняка, по крайней мере отчасти, как реакция на развязанную в Литве сенатором Новосильцевым расправу над «неразумным польским народом», который князь, в качестве попечителя образования в Вильно, вот уже двадцать лет патронировал на этой территории. В 1823 году, уходя с этой должности, Чарторыйский утверждал, что язык, цивилизация, традиция могут разделить два народа настолько, что попытку сплавить их можно осуществить только многолетним насилием. *La domination d'une nation sur une autre nation est radicalement injuste; elle produit aucun droit et ne peut se maintenir que par la force. Alors les deux nations sont placees dans une position fausse et contre nature et les empêche l'une et l'autre, tant que cela dure, d'atteindre réellement au bonheur mérité*¹⁶. Князь поставил тут точки над «i», утверждая, что и население колоний, когда проявит свою обособленность и национальную зрелость, также должно быть допущено в ряды народов, имеющих право на строительство суверенной государственности (он воспользовался при этом примером Сибири – не исключая, что она когда-то сможет дозреть до собственного, отдельного от европейской России, государственного существования)¹⁷.

Политический гнет, констатировал он, опираясь на свой польско-российский опыт, разжигает взаимную ненависть и шовинизм, отравляет жизнь как народа правящего, так и народа угнетенного. *Filhellen* (под этим псевдонимом скрывался князь Адам в первом издании «Очерка») показал на примере подобного опыта социальные и моральные последствия того положения дел, которое возникает между правящим народом и народом угнетенным. Он выразил это словами, почти совпадающими с критикой Эдмунда Берка, адресованной тридцатью годами ра-

¹⁵ См.: *Essai sur la diplomatie, manuscrit d'un Philhellène*, Paris-Marseille 1830, p. 193-194; см.: M.K. Dziwanowski, *Czartoryski and His Essai sur la diplomatie, "Slavonic Review"*, t. XXX: 1971, p. 589-605; следует обратить внимание на то, что Кант также в своем «Проекте вечного мира» рассматривает идею федерации национальных государств как противоядие угрозе создания универсальной империи.

¹⁶ *Essai sur la diplomatie...*, p. 216 (Князь допускал, однако, возможность, чтобы народ управлял малыми национальными сообществами, которые являются «осколками» ("les débris") разных народов, слишком малыми, чтобы поддерживать отдельное политическое существование – там же, С. 217).

¹⁷ Там же, С. 222.

нее чиновникам Восточно-Индийской компании. Таким образом, с одной стороны, он показывал развитие коррупции среди российских чиновников – вплоть до самых высоких уровней управления, для которых польские Отторгнутые Земли представляют собою идеальную почву для грабительской наживы. И чем дольше продолжается эта несправедливость, тем больше с каждым годом укрепляются силы сопротивления любым реформам внутри России, которые могли бы свернуть царскую державу с дороги экстенсивного развития – постоянных завоеваний. А другой стороны – завоеванный народ останавливается в своем развитии вследствие навязанной ему системы, единственным языком общения с которой является сервиллизм и все та же коррупция, а общественное мнение вынуждено таиться и притворяться, что влечет за собой унылый шлейф моральных последствий такого положения¹⁸.

Польша под властью России была, таким образом, для Чарторыского ярчайшим примером фатальных последствий порабощения всех тех народов, которые утратили свою суверенность. Поэтому исправление Европы он предлагал начать с возрождения именно Польши. Это еще не было призывом, направленным против России. Бывший министр иностранных дел Империи все старался убедить, что воссоздание Речи Посполитой в том виде, в котором она существовала до разделов, вовсе не должно означать выдавливания России из Европы. При этом он весьма решительно выступал против тех антирусских публицистов на Западе, которые утверждали, как, например, экс-архиепископ Малин Доминик де Прадт, в изданной как раз в 1823 году известной сопоставительной работе «*De la puissance anglaise et russe*», что Россия к Европе не принадлежит, что, в сущности, восточная культурно-политическая граница континента должна проходить по линии Вислы или Немана¹⁹. Польша в концепции автора «Очерка дипломатии» не должна была выполнять роль антироссийского оплота Европы, и тем более оставаться антиевропейским плацдармом России, а должна была стать мостом, связывающим Запад Европы с Россией. Чарторыский пытался доказать, что Россия, отказываясь от земель Речи Посполитой и занимаясь интенсивным исполь-

¹⁸ См.: там же, С. 270-271; на С. 198-200 и 253-254 Чарторыский напрямую обращается к своим воспоминаниям о процессе Уоррена Гастингса, на котором раскрылись губительные последствия колониального правления для колониальных народов и метрополии одновременно.

¹⁹ См.: там же, С. 224; на тему антироссийской публицистики Прадта см., в частности: M. Cadot. *La Russie dans la vie intellectuelle française 1839-1856*, Paris 1967, p. 174 и 501-502.

зованием богатств своей огромной территории, могла бы выиграть в политической «привлекательности»: *Elle pourra, par des pertes apparentes, gagner en réalité et augmenter sa force morale et fédérative, sans rien perdre de sa force matérielle.[...] Cet empire, au lieu d'être l'épouvante de l'humanité, pourrait en devenir le bienfaiteur.* В приписке, сделанной в 1830 году к этому замечанию, князь утверждал, что возможной отправной точкой реформы внутреннего переустройства России в сторону федерации могло бы даже стать достижение ею конечной цели ее державных амбиций на юге: занятие Константинополя, южные завоевания России могли превратиться в федерацию славянских народов²⁰.

Однако князь Адам Чарторыский явно переносил центр тяжести своих политических надежд на западноевропейские державы. Союз Франции и Англии, двух лидеров цивилизации и развития либеральной мысли народов, договоренности, базирующиеся на идейном родстве западных цивилизаций – несмотря на временно разделяющие их политические конфликты – Чарторыский рассматривал в своем «Очерке» как естественную ось великой реформы международных отношений в Европе. Принятие правительствами Франции и Англии принципа защиты прав национальности в качестве главного лозунга их политики должно было создать определенную опору для национальных движений, развивающихся на континенте. Соблюдение этого принципа потребовало бы отхода от сложившегося после Вены *status quo* (в этом пункте Чарторыский критиковал Канта, который признавал *status quo* точкой отсчета вечного мира). Необходимо было принуждение путем проведения совместной акции западных держав, разделяющих мнение, что народы имеют право на территориально-политическое изменение на карте континента. Польша, независимая и нейтральная, Германия, объединившаяся вокруг становящейся либеральной Пруссии, Австрия, уходящая из Италии – получающая взамен компенсацию в виде европейской части Турции, возродившаяся Греция, выделенная в отдельное государство Бельгия, федеративная структура многонациональных государств (не только России, но и Австрии, от которой, возможно, могли бы отделиться исторические королевства – Чехия и Венгрия) – такую конкретную форму должно было приобрести в «дипломатической» утопии князя Чарторыского двадцатых годов торжество принципа прав национальностей и морали в большой политике²¹.

²⁰ Там же, С. 412.

Однако не эта конкретная форма, отчасти обусловленная изменчивой конфигурацией политических сил и интересов, в которую князь Адам Чарторыйский пытался вписать свою аргументацию, а принципиальная цель определяла смысл такого образа Европы, который представал в «Очерке дипломатии». Его смысл заключается, подчеркнем это еще раз, в проекте реконструкции карты Европы в соответствии с принципом легитимности народов. Дополнять его должна была международная организация – Европейская Ассоциация (*l'Association Europeenne*). Ассоциация представляла бы все народы континента, гарантировала бы совместно установленные границы и, наконец, обеспечивала бы средствами национальной дипломатии посредничество и арбитраж в возможных спорах. Чарторыйский сознательно включил в свой план ряд подобных проектов по установлению нового, прочного порядка в Европе – от знаменитого *le Grand Dessein* Максимилиана Сюлли (министра Генриха IV), вплоть до уже упомянувшегося здесь проекта «К вечному миру» Канта²². Проект польского князя, экс-министра Александра I, выделяется на их фоне – и на фоне всех современных «Очерку» Filhellena размышлений о межгосударственных отношениях в Европе тем, что именно было принято за основу столь необходимой реформы. Как заметил Анджей Валицкий, эта основа символизирует «плавный переход от просветительской теории права народов к романтическим национальным идеологиям, провозглашающим братство народов и рост этичности политики»²³.

Между 1823 годом, когда возник «Очерк», и ноябрьским восстанием постепенно изменилось и местоположение концепции Чарторыйского с учетом политических реалий Европы. После смерти Александра I на российский престол взошел Николай I, который быстро лишил надежд на то, что в России привьется идея возрождения рядом с ней независимой Польши, а также идея федерализации огромной территории государства и введения на его территории либеральных институтов. Князь уже решительно отходил от пророссийской ориентации. «Счастье и достоинство одного из двух народов, конечно, не должно строиться на угнетении и несчастье другого». Это убеждение, выраженное в письме к одному из

²¹ См.: там же, С. 413.

²² См.: там же, С. 312-388 и 413-414; исторический анализ европейского проекта Сюлли можно найти, напр., // В. Vuyenne. *Histoire de l'idée européenne*, Paris 1964, p. 76-80.

²³ А. Walicki, op. cit., s. 57; ср.: он же, *Marks i Engels o sprawie polskiej. Uwagi metodologiczne*, // *Powstanie listopadowe 1830-1831. geneza – uwarunkowania – bilans – porównania*, Wrocław 1983, s. 313.

русских друзей²⁴, должно было пошатнуться перед лицом фактов. Точно так же, как вся идея «Очерка дипломатии», картина взаимной и всеобщей гармонии освобожденных народов могла осуществиться только при условии, что национальная идея стала бы повсеместно осознанной, признанной и применяемой; чтобы иссякли все иные источники легитимности политических действий; были бы отброшены как все амбиции территориальных приобретений, так и экспансия идей и государственного строя; чтобы уже ничто не нарушало всеобщей удовлетворенности международным порядком и доверия к нему – короче говоря, чтобы свершилась абсолютная, универсальная моральная революция. Однако, может быть, и еще одной жизни князя не хватило бы, чтобы дождаться такого перелома.

Но коль скоро нельзя мечтать о пути к независимой Польше через духовное возрождение всего континента, то полюс более реалистических надежд на вынесение проблемы польских прав на международную арену, должен был сместиться в сторону Парижа и Лондона. Еще до Ноябрьского восстания князь начал организовывать свою пропагандистскую базу, чтобы влиять на политическое мнение обеих западноевропейских держав. Статьи в самых читаемых французских и английских журналах, годами уже инспирированные кругом соратников Чарторьского (в частности, Владиславом Замоиским, Леонардом Ходзкой, Юлианом Урсыном Немцевичем), делали акцент во имя прагматичной результативности на уже принятые державами (в Вене) правовые обязательства, защищающие польское население и предостерегающие от возможных последствий нарушения норм, признанных государствами, участниками раздела Польши, прежде всего Россией²⁵.

Организация дипломатического нажима в польском вопросе стала основой политики князя Чарторьского в качестве председателя Национального правительства Ноябрьского восстания. Князь провозгласил присоединение к восстанию вопреки своим рассудочным расчетам, из которых следовало, что открытая борьба с Россией не имеет реальных шансов на успех в политических условиях Европы 1830-1831 гг. Автор «Очерка дипломатии» поступил, однако, в соответствии с основными принципами, провозглашаемыми им. Об этом он пря-

²⁴ Цит. по: Николай Михайлович (Романов). Гр. Павел Строганов, т. 2, Петербург, 1905, С. 270.

²⁵ См. на эту тему: А. Nowak, *Między carem a rewolucją. Studium politycznej wyobraźni i postaw Wielkiej Emigracji wobec Rosji 1831-1849*, Warszawa 1994, s. 27-30.

мо сказал в речи по случаю выбора председателя правительства: «Народ высказал слишком громко свое убеждение относительно этого [то есть по проблеме невозможности поддерживать далее союз с Россией – А. Н.], он порвал связи. И если политика может посоветовать что-нибудь во благо страны, каждого гражданина, то в таких обстоятельствах является святой обязанностью присоединиться от всего сердца к чувствам, к воле народа, проявленным столь ясно и единодушно²⁶. Подсчет сил и интересов, которые предрешили поражение восстания, был верен. За решение присоединиться к проигранной схватке надо было платить. И платил за него сам князь – как эмигрант, открывший список государственных преступников, заочно приговоренных императором Николаем I к смертной казни; за это решение платила также и Польша под русским господством – подвергаемая всяческим преследованиям и ограничением национальных институтов. Однако ни книги, ни собратья князя по изгнанию, пилигримы Великой Эмиграции, не признали это поражение окончательным. Оно должно было стать только началом пути. Конечный этап этого пути – возрождение независимой Польши. Но не только: должно было произойти изменение всей политической (и идеологической) карты Европы – в соответствии с принципами легитимности народов, изложенными в «Очерке дипломатии».

Князь Адам Чарторыский не был уже – как во время создания своего «Очерка» – наблюдателем и комментатором событий на международной сцене, он снова стал на ней игроком. Его позиция была теперь совершенно иной, чем почти тридцать лет назад, когда на карту континента он смотрел с высот министерства иностранных дел Российской империи. Теперь, сделав выбор в пользу активного участия в борьбе народа, он должен был «из ничего» создать дипломатию несуществующего государства²⁷. Главным врагом в этой борьбе неизменно являлась Россия – Российская империя. Потенциальными союзниками были не только западные державы, но также все те национальные

²⁶ Речь князя А. Е. Чарторыского при избрании его Председателем Национального Правительства, Bibl. Czartoryskich, rkps 6442 (bruliony mów A.J. Czartoryskiego z lat 1810-1840), k. 94-95.

²⁷ См. на эту именно тему работы: Н.Н. Hahn, *Die Diplomatie des Hotel Lambert 1831-1847*, "Janrbucher für Geschichte Osteuropas", Neue Folge, Bd. 21/1973, S. 345-347; он же, *Aussenpolitik in der Emigration. Die Exildiplomatie Adam Jerzy Czartoryski 1830-1840*, München-Wien 1978 (польское издание: *Dyplomacja bez listów uwierzytelniających. Polityka zagraniczna Jerzego Czartoryskiego 1830-1840*, tłum. M. Borkowicz, Warszawa 1987).

движения, которые могли революционизировать Центральную и Восточную Европу, застывшую в формах «Священного Союза». Важнейшим звеном политических действий лагеря, который образовался в эмиграции вокруг отеля «Ламбер» – резиденции князя на острове Св. Людовика в Париже, являлась все-таки сама Польша, ее народ под чужеземным гнетом. Западные державы и общественное мнение, влияющее на их политику, национальные движения в Центрально-Восточной Европе (и еще дальше – на азиатских окраинах Российской империи), наконец, ситуация в самой Польше: вот в такой, тройной плоскости формировалось новое видение Европы в последнем, эмиграционном, тридцатилетнем периоде деятельности князя Чарторьского.

В первой из трех указанных здесь плоскостей отправной точкой к созданию нового пейзажа Европы был принципиальный дуализм, вызванный к жизни самим фактом Ноябрьского восстания и его жестоким подавлением Россией при пассивной поддержке двух других держав, участниц разделов Польши – столпов «Священного Союза». «Польская революция не только углубила разделение Европы на Восток и Запад, но и создала его. По иным европейским проблемам (Италии, Испании, Португалии, Бельгии, Балкан, даже Германии до известной степени) конфронтация либерализма и консерватизма часто была искусственной и не имела особого значения. В связи же с польским вопросом она являлась реальностью, в которую были вовлечены как народы, так и власти, хотя ни у либералов, ни у консерваторов не было ее решения»²⁸. Разрабатывая дипломатию польского вопроса, князь должен был выдвинуть на первый план все то, что противопоставляло три державы, участницы раздела, государствам Западной Европы. В особенности, отождествляя теперь Россию Николая I с главным угнетателем Польши, а также свободы других народов, пропаганда отеля «Ламбер» последовательно рисовала картины не только политического и, прежде всего, идейного конфликта, но даже конфликта цивилизаций между Россией и Европой tout court. Россия деспотическая, варварская, агрессивная в своей внешней политике и ненасытная в своих аппетитах, убийственных для европейского равновесия сил – вот образ противника, который старался представить Западной Европе (прежде всего в Лондоне и Париже) князь Адам Чарторьский и сотрудничающие с ним публицисты. Ведь только таким идеологическим «фундаментом» отель «Ламбер» мог подкрепить свои надежды на призыв западных держав к

²⁸ P. Schroeder, *op. cit.*, p. 709.

активными действиям, лучше всего военным, в ходе которых могла бы быть поставлена проблема польской независимости. Это была картина раздела Европы, не столь далекая от той, с которой мы знакомы по периоду холодной войны²⁹.

Характерным дополнением к этому фундаменту, по мнению князя, была идея создания, с помощью Запада (хотя бы материальной, если не военной) – своего рода антироссийского «интернационала» народов, уже подчиненных правлению империи Романовых или же тех, которым напрямую это угрожает. В поисках почвы для реального конфликта между Россией и Британской империей дипломатия князя Адама зондировала именно южное «подбрюшье» царского колосса – и здесь она в известной степени открывала перед Европой существование многих национальных сообществ, очень отличающихся от русских по своей этнической и культурной принадлежности, а также оповещала о существующих или уже зарождающихся амбициях относительно политической суверенности. Предвестием этой картины «другого Востока» стал опубликованный князем анонимно – уже в 1834 году – цикл статей в издаваемом для нужд внешней пропаганды журнале “Le Polonais”. Вместе они складывались в обширный очерк – “De l’avenir de la Russie et de l’Europe”³⁰.

²⁹ Концепция антироссийского взгляда на Европу в пропаганде отеля «Ламбер» более широко представлено мною в: A. Nowak, *Jak rozbić rosyjskie imperium? Idee polskiej polityki wschodniej (1733-1921)*, wyd. 2, Kraków 1999, s. 82-162; он же, *Rosja w publicystyce politycznej Wielkiej Emigracji przed powstaniem styczniowym*, “Przegląd Historyczny”, t. LXXXII (1991), z. 1; о том же в: он же. *Polacy, Rosjanie i biesy. Studia i szkice historyczne z XIX i XX wieku*, Kraków 1998, s. 125-146.

³⁰ [A. Czartoryski]. *De l’avenir de la Russie et de l’Europe* (art. 1), “Le Polonais”, t. III, Juillet 1834, p. 3-13; текст этой статьи является сокращенной (исключительно за счет фрагмента, касающегося непосредственно Польши) версией написанного в 1832 году князем Адамом Чарторыским „Mémoire sur la Politique russe en Pologne”, Bibl. Czartoryskich, rkps 5280, s. 327-350. Князь, всегда неохотно ставящий свою фамилию под публицистическими текстами, на этот раз отказался от своей осторожности – под второй статьей из серии (“Le Polonais”, t. III, Octobre 1834, p. 193-214) помещено пояснение, что она была предоставлена одним английским публицистом – что явно намекало на Дэвида Уркухарта, тексты которого “Le Polonais” популяризировал и который, собственно, был единственным, кто был известен тогда по другую сторону Ла-Манша как «специалист-русофоб». Копию этой статьи, с собственноручными поправками князя мы находим без указания имени автора под тем же названием – Article du “Le Polonais”, с ошибочной датой – 1883, Bibl. Czartoryskich, rkps 6451, непрерывная пагинация отсутствует. Рукопись остальных двух частей (“Le Polonais”, t. IV, Fevrier 1835, p. 73-82, Avril 1825, p. 201-219) найти не удалось.

В идее о доминировании «ложного патриотизма» завоеваний и господства, подпитываемой властями изнутри, которая одновременно консервировала внешнюю политику России, Чарторыйский усматривает источник ее захватнического «инстинкта». В цикле статей «Le Polonais» этот взгляд послужил основой для тезиса о непрерывной постоянной экспансии российской империи, а также подсказывал далее ответ на вопрос, как наиболее успешно отдалить угрозу нашествия «новых варваров», вооруженных современным военным искусством и всеми завоеваниями цивилизации в области уничтожения. После исключительно подробного перечисления главных направлений и целей большой политики царизма (Индия, Константинополь, южные и западные славянские страны) Чарторыйский представляет план универсальной борьбы мнений, столкновений «либерализма» и «деспотизма» как истинного поля для контрнаступления Европы. «Российские власти боятся пришествия идей свободы и контакта с цивилизацией.[...] Политическая война и война мнений, проекты захватов, доминирования и все те силы, которые хотят уничтожить либерализм, соединяются в едином походе, поддерживая друг друга и покрывая, координируют свои действия³¹. Провозглашенное “Le Polonais” опять же на европейской стороне объединение борьбы идей и стратегией, внедрение моральных ценностей в политику приобретает, наконец, форму центральной концепции в едином выводе: инициирование и поддержка всех этнических (а также конфессиональных) движений, преследуемых в российской империи. Использованная здесь Чарторыйским метафора николаевской России – Геркулеса, выполняющего гигантскую работу, но не во имя освобождения человечества, а порабощения ради, дополнена чрезвычайно ярко мотивом из других записок князя (с конца 1835 года), где «сей пояс покоренных народов» будет назван туникой Деяниры, которая когда-нибудь задушит геркулесову державу³².

Картина будущего Европы и России, однако, завершается не метафорами, а показывает, как эта самая туника Деяниры должна быть скроена, где надо искать для нее наиболее воспламеняющийся материал. Свою панораму Чарторыйский делит на три части. Первая – центральное кольцо народов,

³¹ [A. Czartoryski]. *De l'avenir...* (art. 1), p. 12; Bibl. Czartoryskich, rkps 5280, s. 344.

³² Ср.: [A. Czartoryski]. *De l'avenir...* (art. 2), p. 193, а также Bibl. Czartoryskich, rkps 5323 – *Quelques mots sur la Pologne et la Turquie* (1835), p. 396-397. Н.Н. Нahn (*Aussenpolitik...*, S. 267) авторство ошибочно приписывает дневнику Владыслава Замойского.

которое, как он считает, неуклонно стремится к независимости от России, образует Финляндия, затем от Паланги до Одессы – Польша, самое важное звено всей системы, а на юге – крымские татары, кавказские народы, а также вообще мусульманские подданные царя. Внутреннее кольцо борьбы обозначено, прежде всего, Малороссией и донским казачеством, на севере существуют освободительные устремления Курляндии, Латвии и Эстонии (с пометой, что речь не идет о балтийских немцах, а о крестьянском исконном населении). Наконец, полоса соседей: Швеция, Австрия – потенциально выставленная на острие панславистского клинка, а также особо важная в целом раскладе Турция – вот, по мнению князя, государства, которые в тени Российской империи либо обречены в более или менее отдаленном будущем на поглощение вследствие ее экспансии, либо станут опорой коалиции уже завоеванных народов, которые могут эту экспансию затормозить (среди западных соседей Империи на тот момент Чарторьский исключает только Пруссию из этого ряда возможных союзников своей идеи о борьбе с николаевской Россией). Подготовка совместного выступления всех или хотя бы большей части сил, названных в очерке в “*Le Polonais*”, смягчение имеющихся между ними противоречий, умело используемых и раздуваемых царизмом, представляли собой то направление позитивного действия, которое Чарторьский хотел наметить³³.

Для кого? Прежде всего, для всех западных держав (Франции и Англии), а также Турции. Эта последняя, еще в «Очерке о дипломатии» приговоренная к потере своего господства в юго-восточной Европе, теперь по стратегическим соображениям была расценена князем Адамом Чарторьским как главный плацдарм для организации всех политических движений, которые могут ослабить Российскую империю или спровоцировать с нею всеобщую войну. Создание такого образа Европы – вместе с Азией, над которой нависла тень российской угрозы, – служило приближению перспективы войны, в ходе которой могла бы возродиться Польша и вместе с тем начаться великая реформа политической карты континента в духе легитимности народов. Проверкой пропагандистской результативности этого образа стала, в итоге, Крымская война: апогей надежды дипломатии князя Адама и одновременно – по своим результатам – очередной, и уже последний при жизни князя, удар по этим надеждам.

³³ [A. Czartoryski]. *De l'avenir...* (art. 4), p. 218-219.

Это не было, как мы уже упоминали, единственным основанием нового образа Европы, который создавал в период своей эмигрантской деятельности лагерь князя Чарторьского. Рассуждение, наличествующее уже в концепции, излагаемой *ad usum Occidente*, о существовании еще иных, кроме России, народов в Восточной Европе, имело, с точки зрения политических воззрений отеля «Ламбер», свое самостоятельное значение. Оно заключалось в идее польского славянофильства – исполнение Польшей роли катализатора национальных движений братьев-славян, катализатора, который должен был опередить в этой роли имперскую Россию. Этот аспект деятельности отеля «Ламбер» освещен в столь многих глубоких исследованиях, что здесь достаточно только отметить его существование и перечислить его самые важные последствия для образа Европы³⁴.

Польское славянофильство ставило своей задачей сблизить не столь многочисленные славянские народы с Европой, а не противопоставлять их Европе – как можно было предполагать это, судя по жупелу царского панславизма. Здесь Польше отводилась роль уже не форпоста, а снова, как в «Очерке дипломатии», роль моста между Востоком и Западом. Выражением такой политической ориентации князя Адама Чарторьского стал плод его усилий в области культуры, понимаемой в широком смысле – создание в Париже кафедры славянских литератур, которая была доверена другому Адаму – Мицкевичу. Менее известным, но также важным элементом ангажированности отеля «Ламбер» идеей славянофильства был выход в эпоху Весны Народов периодического издания, специально посвященного распространению этой идеи, – “*La Pologne. Journal des Slaves confédérés: Lekhites, Tcheks, Pyriens, Bulgaro-Serbes et Ruthéniens*”. Национальности, указанные в подзаголовке этого необычайно интересного журнала, действительно обозначали важнейшие направления деятельности отеля «Ламбер» по пробуждению национального сознания в Восточной и Южной Европе, и одновременно, в соответствии с духом «Очерка дипломатии», этим выражалась формула их сотрудничества – федерация. Как статьи этого еженедельника (с 1 апреля 1849 года), так и договор, заключенный между его редактором Циприаном Робертом и отелем «Ламбер», также подчеркивали необычайно сильную посредническую, а не

³⁴ См., в частности: M. Handelsman, *Ukraińska polityka ks. Adama Czartoryskiego przed wojną krymską*, Warszawa 1937; J. Skowronek, *Polityka bałkańska Hotelu Lambert (1833-1856)*, Warszawa 1976; L. Kuk, *Wielka Emigracja i powstanie słowiańofilstwa francuskiego. W kręgu działalności Cypriana Roberta*, Toruń 1991; он же, *Orientacja słowiańska w myśli politycznej Wielkiej Emigracji (do wybuchu wojny krymskiej)*, Toruń 1996.

антагонистическую роль идеи славянофильства для облика новой Европы.

При этом возникала большая проблема: может ли Россия быть исключена из понимаемого таким образом славянофильства, а значит, и из Европы? Ответ “La Pologne”: *Si les peuples slaves comptent beaucoup sur la Russie pour leur délivrance, c’est dans la Russie libérale, dans la Russie éclairée et européenne qu’ils espèrent. Du tsar-pontife ils n’attendent rien.[...]. Pour nous le slavisme, tout aussi bien que l’avenir entier de l’Europe, ne se trouve ni dans l’ultramontanisme occidental, ni dans l’archaïsme byzantin de Petersbourg.[...] L’idée slave c’est la conciliation entre tous les absolus qui se combattent: c’est la fraternisation des rites et des langues diverses dans un dogme unique mais tolérant et large comme le coeur même du Christ*³⁵.

Из этой тенденции в итоге родилась апология унии – также и в религиозном аспекте – как способ преодоления конфликтов, раздирающих европейский континент. Трудно, однако, не заметить, что эта идея славянофильства отягощена грузом противоречия с концепцией дуалистического разделения континента, фактически исключаящей Россию из «настоящей» Европы», с концепцией, рассчитанной на войну Запада и Востока. С точки зрения славянофильства, которое должно было притягивать и православных сербов и болгар, и украинцев – православных и униатов, трудно было вообразить, что возможен призыв ко всем этим народам занять место на стороне Запада, против России (или скорее против представляемой Россией православной цивилизации). Непременное, в связи с этим, размывание линии антагонизма Востока и Запада сталкивалось не только с доводами пропаганды, руководимой лагерем князя Адама Чарторьского, которая апеллировала к общественному мнению западных держав. Важнейшее противоречие последствий идеи славянофильства, как обрисовывал его редактор “La Pologne” и как представлял его со славянской кафедры сам Адам Мицкевич, обнаруживалось, однако, в столкновении с одной из трех великих составных, на которую была спроецирована политическая мысль отеля «Ламбер» – с ситуацией в самой Польше, на ее российской части раздела.

Именно в стране, в российской части, подвергаемой после 1831 года систематическим акциям деполонизации на восток

³⁵ *Les slaves dans leurs rapports avec l’église universelle. Leur influence médiatrice entre l’Occident et l’Orient*, “La Pologne”, nr 22 за 2 VI 1850 г., р. 85-87; ср.: сходные положения издательского договора отеля «Ламбер» с редактором “La Pologne” - Convention entre Monseigneur le Prince Adam Czartoryski Palatin et Mr Cyprien Pobert, redacteur du Journal “La Pologne Slave”. Paris, le 24 Mars [1849], Bibl. Czartoryskich, rkps 2093, k. 337-337 и на обороте.

от Буга, на территории Королевства, охваченного после восстания репрессиями Пашкевича, проблема Польши могла стать с точки зрения лагеря князя Чарторьского задачей по сохранению «польской самобытности» как объекта консервации. Здесь защита «легитимности народа» не имела либерального оттенка – как в трактовке своеобразной «доктрины освобождения народов» европейского Востока именно либеральным Западом или как в концепции «польского славянофильства» – здесь она была практической учительницей консерватизма.

Опасность, угрожающая национальной самобытности, исходила от николаевской политики. В свете национальной борьбы за выживание эта угроза отождествлялась с Россией вообще. Таким образом, для внутренней, польской, плоскости применения все концепции, создаваемые в сфере идейного влияния отеля «Ламбер», были естественно нацелены на выдвигание на первый план необходимости максимально укреплять все факторы, определяющие единство и национальную тождественность перед угрозой России.

Роль морального связующего элемента в жизни народа, лишенного независимости, должен был играть, прежде всего, католицизм. Он являлся также фундаментом идейных ценностей в самом политическом здании отеля «Ламбер». Католицизм был самым существенным отличительным признаком (доминантой) в противостоянии Польши и православно-схизматической России. Отчасти производным, а отчасти дополнительным фактором этого противостояния было, по расчетам круга Чарторьского, развитие западничества в форме более глубокой, чем только политическая ориентация на Францию и Англию, то есть развитие идеологического тезиса, исходящего из того, что традиционной, изначальной нормой национальной жизни Польши всегда являются западные образцы культуры и цивилизации. Укрепление чувства исторической связи с миром ценностей Западной Европы нередко прежде всего ставило своей целью дать опору для негативного ответа на «панславистское искушение», а также помогало отдалиться от этих формул сближения славянских народов, которые после 1831 года бесспорно могли служить усовершенствованию российского политического господства в Польше. Двойной славянско-западный контекст, скрепленный стержнем религиозного спора Востока с Западом, придавал подобным рассуждениям в области польско-российской проблематики более широкий культурный и историко-философский контекст. Пропасть между Польшей и Россией

углублялась, когда на это накладывалась тенденция отделения Европы от России, не только как агрессивной державы и политического субъекта, но также как и отдельной, антагонистической по отношению к европейской, культурной категории.

Со времен Местра философия истории европейского консерватизма, в особенности в его романтической фазе, старалась подорвать как революционную, так и либеральную веру XVIII века в универсализм культурно-политических образцов или, во всяком случае, веру в постоянную возможность их прогрессивного продвижения из Парижа или Лондона во всех направлениях. Она внушала мысль о множественности таких образцов, укорененной в истории и традиции отдельных народов или культурных слоев, об их взаимной непроницаемости. Публицисты и политические провидцы консервативного крыла эмиграции, используя свои размышления, стремились перенести польско-российский конфликт из несколько рискованной и, по меньшей мере, двузначной плоскости славянского «семейного» спора в регион, в котором образ России-противника застыл в форме иного, абсолютно чуждого мира. В кругу отеля «Ламбер» создатели этого образа были людьми младшего поколения, более близкого по своему складу мышления к эпохе романтизма, а также, в лице некоторых своих представителей, близкими к политической философии современных течений европейского консерватизма (Владыслав Замойский, Валериан Калинка, Зыгмунт Красиньский).

В трактовке польского консерватизма национального сопротивления столпом этого сопротивления, самым необходимым наряду с религиозной сердцевинкой (или скорее вокруг нее), была национальная традиция, сохранение ее непрерывности. А гарантировать ее могла только шляхта, которая сосредоточила в себе, в своей истории историческое сознание народа. Только через шляхту все польское могло в условиях политического небытия сохраниться и распространяться на остальные «неисторические» социальные группы. Революция в ее социальном смысле была тем самым осуждена и поставлена в один ряд с деполонизаторскими усилиями Николая I, который (в особенности на отторгнутых землях первого раздела) метил, прежде всего, в шляхту как в наиболее осознающий себя в национальном отношении элемент – потенциальный резерв заговорщицких акций или нового восстания. Такое сопоставление наводило на мысль о серьезном сходстве целей, а также и методов политического – внешнего – и общественного – внутреннего – врага «истинной» (а значит,

шляхетской) Польши. Наиболее эффектно эту мысль развил Зыгмунт Красиньский³⁶.

Эта проблема возникала также в плоскости выбора политического устройства, который представлял лагерь князя Адама Чарторьского во внутренних спорах с публицистикой эмигрантских демократов. Выбор делался в соответствии с концепцией, помещающей идеал общественного строя этого лагеря – национальную конституционную монархию – между двумя полюсами, которые в своих крайностях должны были соприкоснуться друг с другом: «царского деспотизма» и «демагогической республики». Главная линия раздела в этом аспекте, как ее представлял князь Адам Чарторьский, отсекала обе крайности от выставленных на их экспансию ценности консервативного либерализма.

Когда мы сравниваем три главные плоскости, в которых формировалась политическая мысль отеля «Ламбер», когда указываем на противоречия, появившиеся между ними, немаловажные для созданного в них образа Европы, то мы в конце концов должны констатировать, что в трактовке самого князя Чарторьского идея двойного врага – России Николая I и социальной революции – создавала в итоге образ Европы скорее как динамичное соотношение двух политических систем (тройка государств, участников разделов, с царизмом во главе – с одной стороны, конституционно-либеральная ось Лондон-Париж – с другой), а не как спаянных с «духом народа» культурно-политических кругов, противостоящих друг другу и непримиримых. В развитии главных мыслей «Очерка дипломатии» можно было все еще обнаружить надежду на то, что в международных отношениях будут услышаны доводы разума и морали, будет ликвидирован политически-идейный дуализм Европы, жертвой которого пала Польша³⁷.

В столкновении с политической практикой и ее задачами, как на отечественной почве, так и в политической игре между государствами, как, наконец, в не лишенных антагонизма отношениях между народами образ, созданный князем Адамом Чарторьским, должен был подвергаться тактическим, можно сказать, коррективам. Но неизменной остается его

³⁶ См. на эту тему, в частности, очерки М. Круля: M. Król, *Pośrednia droga. Myśl polityczna Hotelu Lambert (1832-1861)*, "Znak", 1974, nr 5, s. 639-666; он же, *Konserwatyści a niepodległość. Studia nad polską myślą konserwatywną XIX wieku*, Warszawa 1985; см. также: A. Nowak, *Rosja i rewolucja (Zygmunt Krasiński)*, // он же, *Jak rozbić rosyjskie imperium...*, s. 163-252.

³⁷ См., напр.: *Mowy księcia Adama Czartoryskiego od roku 1838-1847*, Paryż 1847, s. 68-69 – выступление от 29. XI. 1844 г.

«путеводная нить» – великая апология права народов Европы на суверенное государственное существование, призыв преодолеть путем создания федеративных форм уязвимость народов, которые не столь многочисленны, и ликвидировать политические споры между ними, открыв «другую Европу» – народов восточной и южной (балканской) части континента, а далее следует мысль об их связях с либеральными образцами, сложившимися в наиболее зрелых по своему государственному устройству западных державах, и, наконец, призыв к государствам и народам опираться в своих действиях на основы этики, заложенной в христианской традиции Европы. Чарторыйский был, если так можно сказать, пророком именно такой Европы, свободной от угрозы поддаться имперскому искушению, открытой для использования ее общего культурного наследия множеством народов, представляющих ее. Жизненный путь князя и опыт, накопленный в течение этого пути, одновременно показали, что трудно будет увидеть эту прекрасную картину в реальности. Он сам передал (предвидел) это обстоятельство, выразив смысл создания таких образов, как его Европа, наиболее метко и выразительно в следующих словах: «Чтобы двигаться вперед, нужно иметь цель, которая еще не достигнута, а чтобы постоянно двигаться вперед, надо быть способным создать такую цель, которая никогда не будет достигнута. Именно так я понимаю идею, которую высказал. Но, несмотря на это, для каждой сильной власти является полезным и почетным никогда не терять из виду такую цель, однако не следует блуждать в прошлом, забывая, что живешь в современности, и, витая мыслями в заоблачных высотах, надлежит помнить, что в это время наши подошвы никогда не перестают касаться земли»³⁸.

С польского перевела С. Попкова
(перевод не авторизован)

* Замечанные опечатки исправлены

³⁸ А. J. Czartoryski, *O systemie politycznym, który winna stosować Rosja* (1803), // он же, *Pamiętniki i memoriały...*, s. 509.